

В. С. ХРАКОВСКИЙ
(С.-Петербург)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА: СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ¹

1.

В рамках традиционного «независимого» описания многие категории глагола (вид, время, наклонение, эвиденциальность) проанализированы достаточно хорошо и с дескриптивной, и с исторической, и с типологической точки зрения, однако существует ряд серьезных проблем, не получивших до сих пор удовлетворительного решения. Скажем, не всегда представляется ясным устройство той или другой грамматической категории. Так для очень многих исследователей (ад)миратив — одна из граммем категории эвиденциальности, указывающей на способы, посредством которых говорящий получает информацию. Другие исследователи не считают (ад)миратив граммемой категории эвиденциальности. По мнению И. А. Мельчука [Мельчук 1998: 197–198], (ад)миратив вместе с нейтральностью, пробабилитивом, ассертивом и дубитативом образует категорию реактивности, «граммемы которой характеризуют ментальную реакцию говорящего на факт F^n с точки зрения вероятности этого факта».

Однако есть основания считать, что (ад)миратив — одна из двух граммем категории, которая оценивает информацию, получаемую говорящим (из какого-либо источника, или с помощью анализа некоторых наблюдаемых фактов, или с помощью собственного умозаключения, или путем непосредственного наблюдения) как соответствующую его картине мира, либо как не соответствующую его картине мира (адмиратив). При этом граммемы этой категории могут сочетаться с граммемами эвиденциальности.

¹ Работа выполнена при содействии гранта РГНФ № 03-04-00216а и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ № НШ-2325.2003.6.

Еще одна проблема, которая наиболее активно обсуждается в аспектологии, — это семантическое устройство грамем различных грамматических категорий. Между собой конкурируют три подхода. В рамках одного подхода каждой грамме приписывается семантический инвариант, который тем или иным (иногда очень замысловатым) способом трансформируется в различных контекстных употреблениях. Альтернативный подход отрицает наличие семантического инварианта. Следующий подход — промежуточный. В его рамках возможность существования семантического инварианта в принципе не отрицается. Однако его может и не быть. Тем не менее разные значения одной граммы попарно или более сложным образом связаны между собой «семантическими мостиками», и в этом случае можно говорить о цепочечной или сетевой организации значений граммы.

Другая проблема состоит, если угодно, в предполагаемой неоднородности грамматических категорий, в возможности выделения своего рода гиперкатегорий, которые надстраиваются над системой стандартных категорий и чьи показатели сочетаются с показателями стандартных категорий, обуславливающих их появление. Возможно, именно такой гиперкатегорией или категорией второго уровня является категория реальности ситуации, включающая граммы реалиса и ирреалиса и представленная в ряде неродственных языков Северной и Южной Америки, Новой Гвинеи, Австралии и Индонезии (см. [Урманчеева наст. сб.]).² Наконец, проблема, которая в теоретическом отношении представляется, возможно, наиболее важной. Речь идет о том, что в языках с т. н. линейными глагольными системами, которые представлены в ряде ареалов Тропической Африки, если и можно выделять грамматические категории, то эти категории не обладают признаком семантической однородности, который как будто бы обязателен при стандартной трактовке грамматических категорий. Иначе говоря, речь идет о том, что, возможно, следует выделять два типа грамматических категорий,

² О семантических гиперкатегориях говорится в работах В. Б. Касевича и Р. Ницоловой в настоящем сборнике.

которые устроены различным образом и соответственно требуют различных определений, см. [Плунгян, Урманчеева наст. сб.].

2.

Хотя, как мы только что видели, еще не решены многие проблемы «независимого» описания глагольных категорий, мы хотим в этой работе выдвинуть на передний план проблему связей и взаимодействия категорий глагола с тем, чтобы в ходе дальнейшей разработки этой проблемы попытаться выявить существующие типы связей и взаимодействия, а также установить причины, определяющие наличие различных типов связей и взаимодействия грамматических категорий. Можно полагать, что уяснение закономерностей, регулирующих связи и взаимодействие категорий глагола, позволит внести ясность и в еще нерешенные проблемы «независимого» описания категорий глагола, которое на поверку оказывается псевдонезависимым, поскольку реально при описании почти каждой категории приходится говорить о ее связях и взаимодействии с другими категориями.

2.1. Представляется, что проблему связей и взаимодействия грамматических категорий следует рассматривать в двух ракурсах. С одной стороны, можно говорить о связях грамматических категорий на парадигматической оси. Имеется в виду достаточно распространенная ситуация, когда в различных языках один и тот же показатель обслуживает несколько категорий глагола, образующих один кластер. Выражаясь более формально, о связи грамматических категорий на парадигматической оси можно, очевидно, говорить тогда, когда один и тот же показатель, скажем X, у одной глагольной лексемы имеет значение граммы категории A, у другой глагольной лексемы — значение граммы категории B, у третьей глагольной лексемы — значение граммы категории C и т. п. Типичный пример — глагольный постфикс *-ся/сь* в русском языке. При соединяясь к глаголу НСВ, этот постфикс может служить показателем синтетического пассива (*Двери открываются водителем*).

Присоединяясь к глаголу СВ, этот постфикс служит показателем декаузатива (*Неожиданно открылась дверь*). Кроме того, этот постфикс, присоединяясь к глаголам НСВ, может выступать в роли показателя объектного имперсонала (*Собака кусается*), а присоединяясь к глаголам НСВ и СВ, может выступать в роли показателя рефлексива (*Петя бреется/побрился*) и реципрока (*Петя и Маша обнимаются/обнялись*). Обратим внимание на то, что все производные формы с постфиксом *-ся/сь*, независимо от их категориальной интерпретации, очевидно, образуются только от акциональных глаголов, относящихся к различным семантическим классам, а у всех конструкций с такими формами есть одно общее свойство, отличающее их от исходных конструкций: в них ослабляется или понижается синтаксическая валентность глагола. Важно обратить внимание на то, что одна и та же категория в разных языках может образовывать различные кластеры с другими категориями. В частности, реципрок, который в русском языке входит в один кластер с рефлексивом, объектным имперсоналом, декаузативом и пассивом, образует, по данным В. П. Недялкова, например, в восточно-футунском языке один кластер с социативом и итеративом. У всех этих категорий одинаковый конфиксальный показатель *fe....'aki* (ср. *alofa* 'любить' → *fe-alofa-'aki* 'любить друг друга'; *ano* 'идти' → *fe-ano-'aki* 'идти вместе'; *tapa* 'сверкать' → *fe-tapa-'aki* 'сверкать снова и снова'). У категорий, входящих в этот кластер, при принадлежности исходных глаголов к различным семантическим классам, есть общие смысловые компоненты: реципрок и социатив объединяет множественность действующих лиц, а реципрок и итератив — неединственность обозначаемых ситуаций.

Для синхронной типологии чрезвычайно важен учет всех возможных кластеров, образуемых грамматическими категориями, ибо это даст надежную аргументацию для установления возможных семантических сходств и различий между категориями, а также позволит составить каталог семантических единиц, участвующих в формировании значений грамматических категорий одного кластера. Также важно определить номенклатуру семантических классов и подклассов исходных глаголов, которые при присоединении од-

ного и того же показателя образуют производные формы различных категорий. Отдельная проблема — использование для обозначения одного и того же категориального значения разных показателей, которые чаще употребляются дистрибутивно, присоединяясь к глаголам разных семантических классов, но могут и конкурировать друг с другом (ср. синонимичные синтетический и аналитический способы выражения реципрокального значения: *Они поцеловались* и *Они поцеловали друг друга*). В свою очередь, для диахронной типологии существенно проследить процессы исторического становления кластеров, т. е. установить, значение какой категории для данного показателя является исходным, значения каких категорий появились и/или утратились у данного показателя в процессе эволюции и в какой последовательности.

2.2. Наряду со связями грамматических категорий на парадигматической оси следует также говорить о связях и, более того, о взаимодействии грамматических категорий на синтагматической оси, т. е. в пределах одной словоформы. Наличие таких связей — хорошо известный факт. И в описательных грамматиках, и в теоретических работах выделяются и исследуются комплексы, обычно пары, реже тройки грамматических категорий, относительно которых утверждается, что они связаны друг с другом или зависят друг от друга. Наиболее активно анализируются комплексы: вид — время — (таксис), время — наклонение. Взаимозависимые грамматические категории предложено называть сопряженными [Ярцева 1975: 15], а взаимозависимость объясняется семантическими причинами, а именно наличием общего семантического компонента у сопряженных категорий. В частности, взаимозависимость категорий времени и вида предопределяется тем, что они по-разному отражают общую идею времени [Маслов 1978]. Если согласиться с этой гипотезой, то при отсутствии общего семантического компонента категории в пределах одной глагольной словоформы не могут быть связаны друг с другом. Такой вывод кажется привлекательным, поскольку наличие связей у категорий и на парадигматической, и на синтагматической оси мотивируется одинаковым образом.

Мы однако полагаем, что такое утверждение не полностью отражает реальное положение вещей и что наличие связей и взаимодействия грамматических категорий на синтагматической оси возможно и при отсутствии общего смыслового компонента у связанных и взаимодействующих категорий. При аргументации этого предположения мы будем исходить из того, что все грамматические категории, представленные в словоформе глагола, в принципе можно разделить на две группы. В одну группу входят такие грамматические категории, у которых и центральная граммема, и периферийные грамеммы нейтральны к лексическому значению глагола. В другую группу, очевидно, более многочисленную, входят такие грамматические категории, у которых периферийные грамеммы сочетаются не со всеми семантическими классами глаголов, а если сочетаются, то могут отличаться по набору значений и их иерархии от набора значений центральной грамеммы. Иначе говоря, категории первой группы в принципе безразличны к лексической семантике глагола, тогда как глаголы второй группы не безразличны, а напротив взаимодействуют с ней.

Характерным примером категорий первой группы может служить категория эвиденциальности, которая принимает два значения: 1. прямая эвиденциальность (говорящий получает/воспринимает сообщаемую информацию непосредственно — экспериентив), 2. косвенная эвиденциальность (говорящий получает сообщаемую информацию опосредованным образом, через промежуточную инстанцию). В свою очередь косвенная эвиденциальность может принимать следующие значения: 1. пересказывательное, или цитатив, или реннартив (говорящий получает сообщаемую информацию от других лиц), 2. инференциальное — инферентив, или конклюдив (говорящий получает сообщаемую информацию, анализируя некоторые наблюдаемые факты), 3. презумптивное — презумптив (говорящий получает сообщаемую информацию, основываясь на собственных мыслительных операциях типа логического вывода, или путем озарения). Очевидным образом ссылка говорящего на источник получаемой информации и маркирование этой ссылки с помощью специального показателя в финитном глаголе как будто бы не

может контролироваться лексическим значением этого глагола.

Что касается взаимодействия категории эвиденциальности с другими категориями глагола, то как подчеркивается во многих описаниях этой категории, она взаимодействует с категорией лица, с которой у нее, можно думать, нет никаких общих смысловых компонентов. Конкретно это взаимодействие проявляется следующим образом. В принципе о своих собственных агентивных действиях говорящий получает информацию непосредственно, а не через промежуточную инстанцию, ибо он контролирует их исполнение. Соответственно в языках, где есть категория эвиденциальности, форма 1 л. ед. ч. со значением косвенной эвиденциальности либо вообще не употребляется, либо употребляется, но только в тех случаях, когда говорящий не контролировал свои прошлые действия и получил о них информацию от других лиц, либо анализируя наличные результаты этих действий.

К категориям второй группы безусловно относится категория наклонения. Центральной граммемой этой категории по общему мнению является индикатив, и эту граммему, чаще всего не маркируемую специальными грамматическими показателями, имеют все глаголы независимо от их семантики. Иначе обстоит дело с такой периферийной граммемой как императив. Идеальным материалом для образования форм повелительного наклонения служат только акциональные глаголы [Апресян наст. сб.]. Однако коль скоро императив образуется, то это наклонение иначе, чем индикатив, взаимодействует с другими категориями глагола (временем, видом, залогом, лицом, числом), и такое изменение взаимодействия вряд ли можно отнести на счет семантики глаголов, допускающих образование императива. Если перейти к конкретным иллюстрациям этого утверждения, то прежде всего следует рассмотреть как принципиально различным образом взаимодействуют с категорией времени индикатив и императив. В индикативе представлены все временные формы, какие только бывают у глагола. В императиве таких форм обычно нет, потому что императиву прототипически присуща футуральная временная рамка. Таким образом, если значение времени заполняет переменную в значении индикатива, то отнесенность к

будущему следует считать константным компонентом значения императива. В некоторых языках существует оппозиция императивных форм, которая в грамматиках квалифицируется как временная (латынь, нанайский), однако реально речь идет о различиях во временной дистанции: одна форма указывает на наличие временного интервала между временем речи и временем исполнения каузируемого действия, а для другой формы наличие/отсутствие интервала иррелевантно. Таким образом, в этих языках у императива место категории времени занимает категория, которую можно назвать категорией временной дистанции, поскольку различие образующих ее форм связано с обязательностью/необязательностью наличия интервала между временем речи и временем исполнения действия. Потенция существования категории временной дистанции определяется не семантикой глагола и даже не семантикой категории наклонения в целом, а лишь семантикой императива, с которым эта категория и взаимодействует.

Также различным образом индикатив и императив взаимодействуют и с категорией залога. Известно, что в индикативе все глаголы стандартно выступают в форме действительного залога, тогда как формы страдательного залога обычно есть только у прототипических акциональных глаголов. В то же время в императиве акциональные глаголы регулярно выступают только в форме действительного залога (в аустронезийских языках — в форме страдательного залога).

Неодинаково индикатив и императив взаимодействуют с лицом и числом. Принято считать, что в индикативе лицо и число стандартно являются согласовательными категориями, хотя такое утверждение представляется слишком сильным. В императиве эти категории нормально являются содержательными. Есть языки (нивхский, японский, монгольский, лезгинский, кламат), у которых в индикативе нет лица и числа, а в императиве есть. Языков, у которых лицо и число есть в индикативе, но не в императиве, как будто бы не существует. В императиве центральные формы — формы 2 лица, в индикативе — формы не 2 лица. Лично-числовые показатели в императиве полностью или частично отличаются от лично-

числовых показателей в индикативе. Во многих случаях лично-числовые парадигмы индикатива и императива не совпадают по количеству форм. В императиве, но не в индикативе отдельные формы представлены многими вариантами. Императивные формы чаще бывают аналитическими. Лично-числовые показатели императива могут быть прагматически нагружены.

3.

В данной работе мы попытались лишь обозначить проблему связей и взаимодействия грамматических категорий глагола и указать некоторые направления ее исследования. Детальное изучение и каталогизация существующих типов связей и взаимодействия грамматических категорий в ближайшие годы будет проводиться в лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН.

Литература

- Маслов Ю. С.* К основаниям сопоставительной типологии // Вопросы сопоставительной типологии. Л., 1978.
- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. М., 1998. Том II (Часть вторая: *Морфологические значения*).
- Ярцева В. Н.* Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. М., 1975.